

Э. Тышковска-Каспшак

Вроцлавский университет (Польша)

ГЕТЕРОТОПИЯ ПЕТЕРБУРГА В ЦИКЛЕ ЭССЕ ЯРОСЛАВА ИВАШКЕВИЧА «ПЕТЕРБУРГ»

Я. Ивашкевич впервые увидел Петербург (тогда Ленинград), когда ему было 77 лет. Вскоре после возвращения из поездки он создал цикл эссе «Петербург», в котором рассказал о жизни польских и русских писателей, связанных с этим городом. Гетеротопия Петербурга в произведении указывает на город искусства, город, в котором его герои становятся художниками, который побуждает к творчеству. Другое значение этой гетеротопии связано с функцией столицы Российской империи. Петербург как символ царской власти представлен в двух планах: внутреннем, в котором автор представляет конфликт «писатель – власть», и внешнем, характеризующем русско-польские отношения.

Ключевые слова: Я. Ивашкевич; Петербург; гетеротопия; эссе.

E. Tyszkowska-Kasprzak

Heterotopia of Petersburg in 'Petersburg' essay cycle by Jarosław Iwaszkiewicz

J. Iwaszkiewicz had made his first journey to Petersburg (Leningrad that time) at the age of 77. Shortly after his return the author wrote the essay cycle titled 'Petersburg', which reviews life of Polish and Russian writers connected with the city. In the composition Petersburg is the city of art, the city, which induces to become an artist and is conducive to create art. Another meaning of the heterotopia is the Russian Empire capital — the symbol of the tsarist authority. Here Iwaszkiewicz distinguishes the inner plan, in which conflicts between the writer and the authority are taken into consideration and the exterior plan encapsulating Russian-Polish relations.

Keywords: J. Iwaszkiewicz, Petersburg, heterotopia, essay.

Отношение Ярослава Ивашкевича к России было довольно сложным и неоднозначным. Уже в 1928 году в стихотворении «К России» [11: Т. 1, с. 302] он задумывается над эмоциями, которые порождает мысль о России: он и любит ее, и ненавидит. Эта амбивалентность была вызвана как сложной историей

польско-русских взаимосвязей, так и судьбой самого писателя и его семьи.

Ивашкевич родился в 1894 году на территории Российской империи в деревне Кальник под Киевом. Учился в елисаветградской и киевской гимназиях, затем на юридическом факультете Киевского университета, а также в Киевской консерватории. Литературный дебют Ивашкевича состоялся в 1915 году, когда его стихотворение на русском языке «Лилит» было напечатано в киевском еженедельном журнале «Перо». В октябре 1918 года Ивашкевич переехал в Варшаву, оставив охваченный войной Киев. В Польше он оказался как будто в эмиграции — он потерял свою малую родину, всех своих друзей [13].

Юные годы будущего писателя совпали со временем, когда Польши как самостоятельного государства не существовало. В семье Ивашкевича рассказывалась история об участии его отца в январском восстании 1863 года и исключении его из университета после поражения мятежа. Несомненно, писатель, как и его родители, был польским патриотом, но несмотря на это, он находился под огромным влиянием русской культуры, он увлекался поэзией акмеистов, особенно стихами Анны Ахматовой, высоко ценил русских классиков Ивана Тургенева, Льва Толстого, Федора Достоевского, Антона Чехова. Большое влияние на формирование молодого Ивашкевича оказал учитель русского языка в гимназии Александр Александрович. Вполне возможно, что именно он разбудил в будущем писателе увлечение литературой. Ивашкевич сохранил хорошие воспоминания и о своих школьных друзьях [9: с. 110–118]. Эти противоположные эмоции и суждения остались в памяти писателя на всю жизнь.

Впервые в Петербурге (тогда — Ленинграде) Ивашкевич оказался в 1971 году, в возрасте 77 лет. После возвращения он записал в дневнике: «Я бы очень хотел написать *Сентиментальное путешествие из Москвы в Петербург*, но это чертовски сложно: надо соблюдать меру, применить глубокое знание этой культуры, не позволить обмануть себя достоевщиной <...>, так как это упрощение, немножко как Грэхем Грин, а сущность России, особенно

сейчас, заключается не в этом. Может быть, я поживу там у них, чтобы написать что-то не только для нас, но и для них. Кажется, это не слишком отважное предприятие. Конечно, речь идет о культуре — о Блоке, например, и его квартире “на Пряжке”, о Косцюшко и Суворове, о чем говорил прекрасный Симонов. Нельзя поддаваться очарованию, но Скрябин, Чайковский (*Четвертая Симфония!*). Но „Поэзия русской действительности после Евгения Онегина”! Эта тема первого сочинения, которое я писал в Киеве в 1909 году, осталась в памяти на всю жизнь» [10: с. 284 (Перевод мой. — Э. Т.-К.)].

Ивашкевич осуществил свою идею — написал цикл эссе под заглавием «Петербург». Сборник был издан в 1976 году. На создание произведения, несомненно, повлияла поездка в Северную столицу, но впечатления от этого путешествия не являются его главной темой. Исследователи творчества писателя утверждают, что написать о России Ивашкевич задумал намного раньше, что в нем гораздо раньше созрело желание рассказать о России, определить ее сущность [12: с. 14].

«Петербург» — сборник очерков о русских и польских писателях, связанных с этим городом. Каждое из семи эссе посвящено отдельному писателю: Александру Радищеву, Александру Пушкину, Федору Достоевскому, Александру Блоку, Адаму Мицкевичу, Виткацию. Особняком стоит последняя часть, в которой повествуется о блокадных поэтах; эта часть не примыкает к остальным частям ни по своей структуре, ни по содержанию. К тому же этот очерк отсылает к другой эпохе в жизни города — к советскому периоду, когда его называли Ленинградом, и здесь сложно найти параллели с очевидным петербургским текстом. Это преклонение перед жителями блокадного Ленинграда. Некоторые критики считают, что эта часть написана с целью смягчить критические по отношению к современности акценты сборника, благодаря чему книга вышла в свет [9: с. 131].

Для интерпретации городского пространства сегодня применяется, кроме термина и понятия городского текста, введенного Владимиром Топоровым, термин «гетеротопия», впервые предло-

женный Мишелем Фуко [6; 7]. В отличие от утопий (фиктивных пространств), гетеротопия — это реальное пространство, которое характеризуется особыми взаимоотношениями между пространством и временем, а также допускает их субъективное понимание. По мнению Фуко, всем культурам свойственно создавать «другие пространства» — гетеротопии. «В пространстве гетеротопии оказываются возможны социальные отношения, телесные практики и модели поведения, исключенные из нормального порядка повседневной жизни. Гетеротопии часто связаны с ритуализацией разрыва, травестированием обыденных норм. Общее между ними то, что, находясь там, человек может сказать — “я здесь, но меня здесь нет”, или “я есть иной”. Гетеротопиям также свойственны особые временные отношения — гетеротопии могут накапливать время, упразднять его, прерывать. Таким образом, гетеротопия представляет собой особого рода пространственно-временное единство, связанное с анализом субъективности» [1: с. 28].

В произведении Ивашкевича мы находим описание реальных мест Северной столицы. Автор представляет Зимний дворец, приводящий к размышлениям о Радищеве, Площадь искусств (Михайловскую площадь), по которой гулял Мицкевич, Аничков дворец, Тихвинское кладбище Александро-Невской лавры, где похоронен Достоевский, квартиру Блока «на Пряжке», казармы Павловского полка, где в молодости служил замечательный польский писатель Виткаций, дом на Невском проспекте с мемориальной доской, посвященной жителям блокадного Ленинграда. Однако все эти элементы городского пейзажа не являются главной темой повествования. Они лишь вызывают ассоциации с жизнью избранных писателей и таким образом отсылают нас в прошлое, в основном ко временам Российской империи. Ивашкевич обращается к историческим событиям и фактам, которые воздействовали на формирование творческого сознания его героев. В этой гетеротопии с очевидностью представлена связь места со временем. Писатель неслучайно выбрал в жизни писателей те места и те моменты, которые оказали сильное влияние на их творческую судьбу. Всё это проецируется на образ города художников, города

искусства, рожденного чувством внешнего и внутреннего раскола, предчувствием катастрофы. Так цикл «Петербург» соприкасается в творчестве Ивашкевича с его личным катастрофическим мифом [8: с. 170–171].

В эссе о Виткевиче Ивашкевич замечает: «А пока что глядя на эти казармы, на улицы Петербурга, на здания и дворцы, я не могу отделаться от ощущения, что здесь ходит странная фигура нашего писателя, который тут почувствовал себя художником. Не он один» [4: с. 124–125]. Кроме заглавных героев в отдельных эссе писатель приводит имена многих других художников, в том числе писателей Василия Жуковского, Ивана Тургенева, Михаила Салтыкова-Щедрина, Николая Лескова, Всеволода Гаршина, Александра Блока, Зинаиды Гиппиус, Владимира Набокова, Оноре де Бальзака; художников Генриха Семирадского, Франсиско Гойи, Пабло Пикассо; композиторов Станислава Монюшко, Петра Чайковского, Модеста Мусоргского, Александра Бородина, Николая Римского-Корсакова, Людвиг ван Бетховена, Роберта Шумана, Кароля Шимановского; упоминаются также архитектор Бартоломео Растрелли, скрипач Павел Коханьски и представители других видов искусства. Не все из них были связаны с городом на Неве, но такое изобилие ассоциаций с высокой культурой свидетельствует об атмосфере этого города. Таким образом, гетеротопия Петербурга — это «место» искусства.

Повествуя о судьбах как русских, так и польских писателей, Ивашкевич задумывается над процессом становления художника. Он обращается к тем моментам в жизни своих героев, в которых они осознали свое призвание писателя. Причем влияние архитектурного ансамбля Петербурга, принципов его урбанистической планировки было далеко не главной причиной начала писательской деятельности. Сведение вопроса к такому пониманию (например, в эссе о Достоевском и Блоке) представляется поверхностным [5: с. 26].

В формировании взглядов художников, как подчеркивает Ивашкевич, важны общественный строй, социальные условия жизни, исторические события. В эссе о Радищеве на первый

план писатель выдвигает Екатерину II — ее стиль жизни и крепостническую политику. В случае автора «Путешествия из Петербурга в Москву» можно говорить не о влиянии на писателя города на Неве, а о преодолении этого влияния: «Чтение его книги заставляет восхищаться смелостью и умом человека, который сумел освободиться от силы воздействия могущества Петербурга, — а оно наверняка должно было на него влиять» [4: с. 35].

Похожее замечание писатель делает по отношению к польскому романтику: «У Мицкевича был сильный характер. Ему двадцать пять лет, мира он почти не видел, людей знал мало, правда, необыкновенных, — ну и что? — сидел в провинции, из городов знал лишь Вильно и Ковно, ну а назвать их тогда большими вряд ли было можно. Петербург же, в который он приехал, хотя еще только начинал быть тем прекрасным городом, каким мы видим его сегодня, но уже имел чем удивить приезжего. Однако по все-му видно, что Мицкевич не дал себя обмануть» [4: с. 51].

В случае с другом Ивашкевича — Виткацием — таким импульсом была встреча с русской культурой, а также с атмосферой города в первые годы Первой мировой войны: «К тому же надо понять, чем был Петербург, Петроград в начале первой войны и в течение первых двух лет сражений, когда поражения не были еще так видны, а подготовка революции наполняла умы и сердца всех мыслящих людей надеждой и ожиданием. Неописуемый шок начала войны расшевелил стоячие воды буржуазных культур — он был ни с чем не сравним» [10: с. 121]. Писатель подчеркивает значение русской культуры в становлении Виткация как художника, приводя мнение известного польского художника и архитектора Станислава Ноаковского: «Художественный мир России был высокого уровня, я счастлив, что познакомился с его размахом, совсем с другими масштабами. Без пребывания в России я не стал бы тем, кем являюсь сейчас. Петербург, Москва, вся сказочно красочная и интересная Россия в моей жизни сыграли огромную роль» [4: с. 121].

Повествуя о своих героях, автор рассказывает и о себе. Почти во всех эссе этого цикла подчеркивается не только влияние рус-

ской культуры на формирование его художественных взглядов, но и его умение выйти за пределы этого влияния. В 1970-е годы Ивашкевич подводит итоги своей литературной деятельности, жизненного выбора и приходит к выводу, что, хотя всю жизнь он считал себя европейским писателем, воспитание в российской среде оставило на нем отпечаток, а может быть, даже стало решающим импульсом для выбора жизненного пути. Увидев впервые Петербург-Ленинград, он вспомнил те произведения, которые были ему так хорошо известны со школьных лет. В «Прологе» он признается: «Никогда не думал, что в глубокой старости суждено мне будет пережить нечто подобное. Дело в том, что, хотя я родился, воспитывался, кончил гимназию и университет на территории Российской империи, я никогда не был в Петербурге. Не бывал я в этом городе и позже, когда он уже назывался Ленинградом <...> Лишь недавно, когда мне уже исполнилось семьдесят семь лет, я оказался на берегах Невы. Как в таких случаях бывает, вроде бы к этой встрече ты был подготовлен, а на самом деле представлял себе все совершенно иначе. Встреча эта была и разочарованием, и сюрпризом, но во всяком случае одним из самых сильных путевых впечатлений, которые я когда-либо пережил». Ивашкевич продолжает: «Что же было причиной тому? Об этом городе я столько знал еще со времен ранней молодости. Читал о нем и в нашей, и в иностранной литературе, знал о нем все. Он был связан с самыми сильными литературными впечатлениями молодости, сначала с Пушкиным и Мицкевичем, с Бальзаком и Достоевским, потом с Блоком и Виткацием» [4: с. 19].

Следует подчеркнуть, что в своих рассуждениях о писателях, их жизненных решениях и переменах в жизни автор не дает простых ответов. В судьбах польских литераторов Ивашкевич всегда подчеркивает их связь с Польшей, их патриотизм, а также героизм в противостоянии царским властям их родственников. Такой выбор в освещении проблем свидетельствует о том, что героем всех эссе является и сам Ивашкевич.

Эпизоды из истории города представлены в цикле как эпизоды из истории Российской империи. Здесь гетеротопия Петербур-

га — это гетеротопия столицы, т. е. видение города автором тесно связано с его функцией и относится непосредственно к власти. Ивашкевич в образе Петербурга изобразил не столько Россию, сколько политику царской власти. Д. Замятин замечает: «Столица находится высоко, на верхушке страны, но так высоко, что оттуда не видно остальной страны. <...> Столица находится практически в другом пространстве, не в том, где регионы, города, области и местности» [3: с. 127]. Писатель последовательно разделяет политизированное пространство столицы и пространство провинции, в котором вырос. Не случайно в произведении названы те элементы петербургского пейзажа, которые ассоциируются с царской властью: Зимний дворец, Адмиралтейство, Петропавловская крепость, казармы Павловского гвардейского полка и памятники русским монархам — Петру I, Екатерине II.

На связь пространства с властью обращает внимание Д. Замятин, который пишет: «Каждая культура создает свои так или иначе репрезентированные (представленные) образы географического пространства; это ее неотъемлемые элементы. <...> На традиционное физико-географическое пространство накладываются многочисленные “слои” различных по происхождению, структурам, способам функционирования и специализации образов географического пространства. <...> Но связь между географическим пространством и властью, существующей в нем и над ним, гораздо шире и глубже. Политические события — переговоры и манифестации, войны и конфликты, выборы и забастовки, коронации и инаугурации — связаны, прямо или косвенно, с образами географического пространства, в котором они происходят» [2: с. 245]. Для польского писателя Петербург в том числе — метафора империи, содействовавшей разделу Польши, что стало причиной трагедии нескольких поколений поляков, т. е. это также образ бездушной власти, требующей подчинения.

В своих эссе Ивашкевич изображает столицу в двух планах.

Первый связан с внутренней политикой царской империи, которая порождает конфликт «писатель — власть». Так, зависимость судьбы художника от формы государственного правления как стол-

кновение противопоставленных сил и стремлений автор показывает на примере биографий Радищева и Пушкина. В обоих эссе писатель ставит проблему трагического сопряжения творчества и власти. Примечательно, что, освещая фигуру Радищева, автор эссе, известный своим оппортунизмом, преклоняется перед неповиновением власти. Подчеркивается трагизм коллизии «художник — власть», что усиливается изображением трагической гибели обоих писателей.

Второй (метафорический) план обусловлен проблемой политики имперской власти в отношении Польши. Эта тема проходит через весь цикл, но особенно явно представлена в эссе о Блоке и о Виткации.

Однако Петербург Ивашкевича неизменно связан и с глубоким знанием русской культуры, особенно литературы. Для эссе, посвященного Блоку, Ивашкевич отобрал те факты из жизни русского поэта, которые связаны с Польшей. Так, это указание на отца поэта, у которого, по всей вероятности, были польские корни; на его отца — профессора Варшавского университета (и также на его польскую семью); на поездку самого поэта в Варшаву. В творческом плане это внимание к поэме «Возмездие», идея которой возникла в Варшаве: «Именно отсюда, из Варшавы, с Нового Света, от памятника Копернику, который сидит с “пустою сферой в руке”, из воспоминаний о смерти отца, из бесед с родной сестрой <...> начало рождаться нечто, эта поэма, которая так долго мучила Блока. Почему Блок так и не закончил “Возмездие”?» [4: с. 103–104].

На примере русского символиста Ивашкевич показывает, какие отношения между польской и русской интеллигенцией были на самом деле. Здесь нет ни презрения, ни снисходительности; скорее это, наоборот, взаимное понимание: «Этот декабрь 1909 года имел большое значение для Блока. Путешествие в Варшаву не только заставило его совсем иначе посмотреть на отца и увидеть в нем качества, которые он решительно недооценивал, но поэт также иначе взглянул на “польские уголки России”, окончательно понял, что такое Польша и Варшава. К Богу он обращался так же, как в стихотворении “На смерть младенца”: “Забывший

о Польше, о Боже!”¹. Трогательной является его попытка понять увиденное» [4: с. 101].

Писатель обращает внимание на факт, что русско-польские отношения бывали очень запутанными, часто из-за сложных семейных связей и культурных влияний. Он вспоминает: «Жена сенатора Готовцева, дочь полковника Заболоцкого, который дал приказ стрелять в демонстрантов на Замковой площади в 1861 году, воспитанная в Варшаве, шутливо упрекала меня, что в моем польском плохой акцент» [10: с. 103]. Описывает также ситуацию, которой был свидетелем: группа молодежи провожала своего друга, уезжавшего из Ченстоховы в Центральную Россию. «Все молодые люди были русскими, детьми чиновников из Петровской губернии, но говорили они друг с другом по-польски, на замечательном польском языке» [4: с. 103].

Свой взгляд на отношения между поляками и русскими Ивашкевич формулирует с помощью слов Блока: «Стыд, злость и сожаление ощущал поэт, видя, как между поляками и русскими вторгается “орава военных русских пошляков”»² [4: с. 105–106].

В эссе о Виткации Ивашкевич акцентирует идею независимости Польши, которая была жива для всех поколений поляков. Как будто вскользь он упоминает дядю своего друга Станислава Виткевича — Яна. Писатель не рассказывает о его жизни, но ставит вопрос о том, знал ли молодой Виткаций миф о своем родственнике. В действительности судьба этого борца за свободу родины была широко известна — вехи его биографии запечатлели в своих произведениях польские писатели эпохи романтизма. В истории жизни Станислава Виткевича очень много загадочного, но введение информации о дяде художника заставляет задуматься над переменой, которая произошла в молодом Виткации в Петербурге: по мнению автора эссе, она касалась не только осознания им своего призвания как художника, но и решения бороться за независимость Польши [12: с. 22–23].

---

¹ От редакции: при переводе с языка на язык и обратно могут быть потери. В оригинале: «забывший Польшу, Боже!» (Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. С. 333).

² От редакции: см. комментарий к предшествующей сноске. В оригинале: «...орава / Военных русских пошляков» (Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. С. 340).

Ивашкевич принадлежал к тому поколению, которое испытало имперскую политику России, но он помнил не только плохое, но и хорошее. Поэтому Россия, которую он показал в цикле «Петербург», представлена как неоднородный феномен: автор разделяет Российскую империю, враждебную Польше, и русскую культуру, которая оказала сильное влияние на него и на других польских художников [13: с. 367–368]. Жанр эссе, избранный писателем, дал ему возможность свободного повествования — без жесткого определения своей позиции по отношению к представленным проблемам, без однозначных ответов на поставленные вопросы. В этом отразилось многоплановое отношение Ивашкевича к России.

Литература

1. *Беззубова О.В.* Гетеротопии городского пространства: к истории концепта // Эстетика архитектуры и дизайна: мат-лы Всероссийской научно-практической конференции (4–6 октября 2010 г.): сб. ст. М.: Архитектура-С, 2010. С. 27–31.
2. *Замятин Д.* Власть пространства и пространство власти. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 352 с.
3. *Замятин Д.* Метагеография русских столиц // Октябрь. 2003. № 4. С. 136–143.
4. *Ивашкевич Я.* Петербург / Пер. с польск. Е. Невякина. СПб.: Стройиздат, 2002. 140 с.
5. *Мицнер П.* Путешествие Ярослава Ивашкевича из Варшавы в Петербург // Новая Польша. 2001. № 7–8. С. 26–27.
6. *Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. С. 191–200.
7. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб.: А-сad, 1994. 408 с.
8. *Bakula B.* Kijów i Petersburg, czyli na rogatkach Europy i Azji // Powroty Iwaszkiewicza. Poznań: Uniwersytet im. A. Mickiewicza, 1999. С. 163–176.
9. *Drobiniak P.* Jedność w różnorodności. Europa w twórczości Jarosława Iwaszkiewicza. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. 275 с.
10. *Iwaszkiewicz J.* Dzienniki. 1964–1980. Warszawa: Czytelnik, 2011. 673 с.

11. *Iwaszkiewicz J.* Wiersze: v 2 t. Warszawa: Czytelnik, 1977. T. 1. 433 c.; T. 2. 615 c.
12. *Wroczyński T.* Późna eseistyka Jarosława Iwaszkiewicza. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1990. 130 c.
13. *Zawada A.* Jarosław Iwaszkiewicz. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1994. 422 c.

References

1. *Bezzubova O.V.* Geterotopii gorodskogo prostranstva: k istorii koncepta // E'stetika arxitektury' i dizajna: mat-ly' Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (4–6 oktyabrya 2010 g.): sb. st. M.: Arxitektura-S, 2010. S. 27–31.
2. *Zamyatin D.* Vlast' prostranstva i prostranstvo vlasti. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, 2004. 352 s.
3. *Zamyatin D.* Metageografiya russkix stolicz // Oktyabr'. 2003. № 4. S. 136–143.
4. *Ivashkevich Ya.* Peterburg / Per. s pol'sk. E. Nevyakina. SPb.: Strojizdat, 2002. 140 s.
5. *Miczner P.* Puteshestvie Yaroslava Ivashkevicha iz Varshavy' v Peterburg // Novaya Pol'sha. 2001. № 7–8. S. 26–27.
6. *Fuko M.* Drugie prostranstva // Intellektualy' i vlast': Izbranny'e politicheskije stat'i, vy'stupleniya i interv'yuu. M.: Praksis, 2006. S. 191–200.
7. *Fuko M.* Slova i veshhi. Arxeologiya gumanitarny'x nauk / Per. s fr. V.P. Vizgina i N.S. Avtonomovoj. SPb.: A-cad, 1994. 408 s.
8. *Bakula B.* Kijów i Petersburg, czyli na rogakach Europy i Azji // Powroty Iwaszkiewicza. Poznań: Uniwersytet im. A. Mickiewicza, 1999. C. 163–176.
9. *Drobiniak P.* Jedność w różnorodności. Europa w twórczości Jarosława Iwaszkiewicza. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. 275 c.
10. *Iwaszkiewicz J.* Dziennki. 1964–1980. Warszawa: Czytelnik, 2011. 673 c.
11. *Iwaszkiewicz J.* Wiersze: v 2 t. Warszawa: Czytelnik, 1977. T. 1. 433 c.; T. 2. 615 c.
12. *Wroczyński T.* Późna eseistyka Jarosława Iwaszkiewicza. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1990. 130 c.
13. *Zawada A.* Jarosław Iwaszkiewicz. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1994. 422 c.